

чин. Не было нужды напрягать слух, чтобы внимать их разговору, который очень часто оказался совзвучен теме моей командировки.

— Ключку сейчас почем принимают, не знаешь? — интересовался тот, что постарше, по всей видимости, местный, но уже давно уехавший из родной деревни.

— По четыре пятачок вчера была, — авторитетно отвечал ему молодой парень, — а через неделю уже по шесть тысяч будет. Да запаришься, пока соберешь-то ее. Ведь все руками, а «комбайном» — ерунда, приемщики за свою цену отборную ягоду требуют... А ты где брать думаешь?

— Да за Андроново собираюсь.

— Ты чего, не слышал? Там же заповедник теперь, заповедные места. Газеты читать надо!..

ИСТОКИ

Три года назад на карте России возникли сразу два новых государственных природных заповедника: «Полостовский» на Псковщине и «Рдейский» на Новгородчине. Возникли не по мановению волшебной палочки, на бесчисленные согласования и составление бумажных гор ушло несколько лет.

Началось все, согласно доброй древней традиции, с «варягов». В 1989 году трое зоологов-москвичей, начитавшиеся книг Марка Кострова, отправились в Рдейский край и пересекли их конца в конце Полостово-Ловатские болота, взглянув на них так, как не смотрел никто до того — глазами специалистов своего профиля.

Теперь имена этих ученых навсегда связаны с историей охраны природы Новгородской области: Александр Мищенко, Ольга Суханова и Валерий Николаев. Их работа дала карту в Москве, они предположили встретить и наших краях кое-что зоологически интересное, однако увиденное воочию заставило заговорить об организации именно заповедника, причем значимого не только для Новгородской области или Северо-Запада России, но даже и для Европы в целом.

НАРУШИТЕЛИ И НАРУШИТЕЛИ

При кажущейся своей простоте болото неопишимо красиво в любое время года. И все же осенняя палитра болотного пейзажа, пожалуй, самая богатая. Пышный ковер из травы и мха пестрит белыми, желтыми бурными, красными и зелеными лоскутами. Там и сям торчат чахлые и причудливо кривые болотные сosenки, а по краям ровного, как стол, пространства высются «сопки» тростниковых островов, тоже тронутых осенней кистью.

Кочки усаяны рубиново-красными крупными клюквой, следом подсаженной первым холодами. Ягоды лежат одна к одной — вековая основа местной экосистемы, до сих пор магнитом притягивает многих к заповедной территории, соблазняяющая нарушать запрет.

С нарушителями мы встретились, едва оставив за спиной границу государственного природного заповедника «Рдейский». Только не было ни погоны, ни свхатки, да и карабины в руках инспектора слава Богу, не сгреблялись. Двое мужчин и женщина спокойно гребли клюкву зубастыми «комбайнами» и при составлении протоколов не стали затевать скандал. Сбор «урожая» они начали незадолго до

гордости? Еще какой! Ну, а чем еще слаვენ наш заповедник?

Исследования ученых давно показали: наряду с тропическими лесами, горными и степными экосистемами верховые болота аккумулируют наибольшее число представителей редких и исчезающих пернатых. Здесь им живется спокойнее, чем где-либо, ведь люди появляются на болоте только в сезоны охоты и сбора ягод, то есть тогда, когда гнездование уже закончилось или еще не началось. Благодаря этому на Полостово-Ловатских просторах сохранялись беркуты и большие подорлики, черныш и среднерусские белые куропатки. А на маленьких озерах в самых непроходимых местах все еще гнездятся осторожные чернышние ггары, и их протяжные стоны разнеслись далеко над гладью водоемов, куда птицы летают порыхлать.

ный алтарь местечковой энергетики. В какие-то не в меру «светлые» головы пришла мысль организовать здесь масштабные торфоразработки для Девяческой ГРС в Псковской области, хотя давно известно: топить торфом — то же самое, что топить деньгами. К счастью, проекту торфоразработки «Полостово-Л» не удалось осуществиться, и поселок торфяников в деревне Цезаю так и остался недостроенным.

Время оказалось на стороне природы. Теперь делозалодыми.

НА ПТИЧЬИХ ПРАВАХ

«Мы — люди государевы», — любит повторять начальник охраны заповедника Геннадий Мёдов. В его подчинении шесть

хоже, подбираются) по принципу команды единомышленников.

Одна из первоочередных задач — обозначить границы заповедника. Как? На первый взгляд, просто: укрепить предупредительные знаки по периметру. А периметр тот — 150 километров, а дорога вдоль него — на своих двоих. Находясь на службе этой, хлебнешь романтики досыта!

Сказать, что заповедник существует в роли намыника, как это подчас бывает, нельзя. Районная власть, обкомприrody, администрация области, да и сам губернатор, которому эти места не чужие, всегда помогают, чем могут, хоть иными и не обязаны. Непосредственное начальство и коллег — в министерстве охраны окружающей среды и природных ресурсов России. Только ведь и его пресловутый секретарь заед, а потому главная сегод-

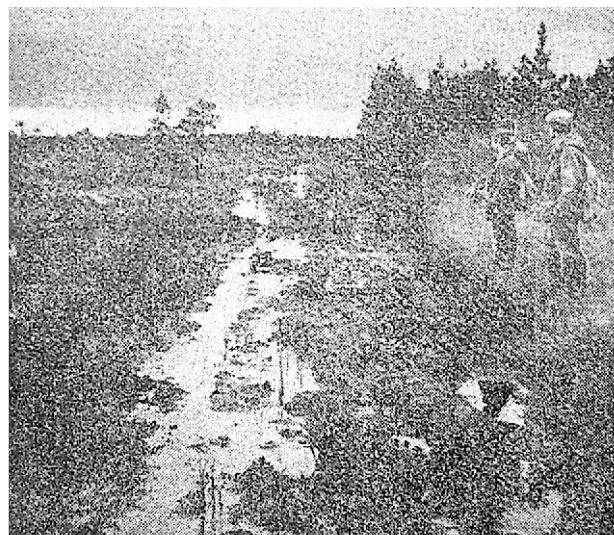
Впрочем, наука — дело будующего.

«УРАГАНЩИКИ»

Ходить по болоту — сомнительное удовольствие. Особенно, если привычки нет. Я, хоть и приходилось бывать на болотах прежде (и как раз, в отличие от тысяч моих земляков, с познавательными целями), привычки такой не нажил. Поэтому сохраняя дыхание и темп, не отставая от спутников, для которых эти места — родные, удавалось с известным трудом. Сырой мох жадно хватал меня за ноги и громко чавкал, неохотно отпуская.

Я оглянулся. За мной тянулся четко различимый на болотном ковре след. Он будет еще виден и завтра. И послезавтра. И, может, дальше. В конце концов вымята поверхность вернется в прежнее положение, и о том, что здесь прошел человек, будут помнить лишь корявые сosenки. А если несколько человек пройдут след в след? Это уже будет не вымята, а рана. И заживать ее ей намного дольше.

“СУДОРОЖНЫЙ” след

Болотный организм на диво хрупок и нежен. Равновесие в нем устанавливается веками и тысячелетиями, а порушено может быть в минуты. Главный бич заповедного болота — вездеходы. Доставляя людей в самое сердце Рдейщины, они гусеницами своими не мнут, а рвут поверхность слоя разноцветного ковра, оставляя на нем широкие полосы, похожие со стороны на канавы, каналы или даже речки. Второй раз машине здесь не пройти, значит — еще одна рана. И так до бесконечности. Наверное, сверху это выглядит страшнее. Истерзанная земля...

По нашему болоту вездеходы двух типов «ураганцы», — заметил Геннадий Мёдов возле одного такого следа. — Первый — это гусеничный; тягач самоходный, «гэтээсок» по-простому. Второй — самодельные вездеходы на больших колесках, знаете, наверно. Их у нас зовут «судоорогами». Вот этот след как раз от «судоороги». В прошлом году здесь проехала. Вы сфотографируйте, пусть все посмотрят, что можно натворить...

Знают ли любители выезжать в центр болота с комфортом, что широк, нанесенный им следом ГТС, виден спустя и пять, и десять лет, а полностью зарастает только через пятнадцать лет? Или живут по принципу после нас хоть потоп?

Заповедные «государевы люди» имели немало бесед с такими любителями. С недавнего времени, поутехи «ураганщики». Кстати, запрет на подобное катание принимался еще при советской власти, да только кто его тогда соблюдал? Владельцы вездеходов ведь — не простые крестьяне. Начальство... А ведь Новгородчина — земля болотная. И сколько всего «гэтээсок» и «судоорог» продолжает шнырять по ней, сдирая живую кожу, тоником не считая...

Что же до заповедника, нелишне повторить: место это уникальное. Но я не зову вас сюда. Нарушение заповедной границы — не сбор грибов-ягод или, упаси Бог, охота, а просто прездное, из любопытства, пребывание — чревато по закону штрафом от одной до двадцати минимальных зарплат. Потому как не аттракцион здесь, не место сбора туристов, а эталон природы, который должен оставаться неизменным и на протяжении будущих столетий.

Андрей КОТКИН.
Холмский район...

Фота автора.

нашего появления, три с половиной килограмма всего на троих «накосили». Кто такие? А двое безработных и пенсионер-инвалид. Предупреждающий аншлаг на краю болота видели? Видели, но не придали особого значения — подумаешь, ягод вон сколько, не убедет.

— Все так оправдываются, — прокомментировала на болотной кочке ситуацию директор заповедника Владимир Кроликов. Местная психология с трудом принимает запреты. От деревенских бабулек слышим: «Такого, чтоб на болото ходить запрещалось, даже при Николае-царе не было». А надо-то такой бабульке, по ее же словам, килограммов пять всего. Пожалеюста, собирай, но не в заповедной, а в охранной зоне, на всех желающих хватит, если для личного потребления. Так ведь нет.

Дело понятное, запретный плод — слаще. Но с личным потреблением ситуацию наладить в конце концов можно. Надеюсь на русский авось, такой сборщик подосознательно понимает, что 10—20 раз сходить в лес удобнее, а на 21-й все равно попадет. Однако нарушитель нарушителем рознь. И со сборщиками «промышленного» масштаба проблема посложнее.

— У этих делов поставлено на широкую ногу, — поделился Кроликов. — Набирают в Питере бомжей, привозят сюда, вездеходами забрасывают на острова — надолго, с запасом продуктов. Они там жауют, гребут ягоду тоннами, а хозяева потом тем же путем все вывозят.

Большие деньги — хорошее оснащение. За деньги, если нужно, можно не то что вездеход найти, но и вертолет арендовать. А сыскать такой лагерь трудно: на каком из тысяч островов он расположился? А площади заповедника — 370 квадратных километров на землях Холмского и Поддорского районов. Инспекторский карабин этой проблемы не решает...

ЧТО ИМЕЕМ — СОХРАНИМ?

Изображение клюквы ягоды украшает эмблему Рдейского государственного природного заповедника. А другой символ — кулик большой крошншпел. Когда-то обычный объект охоты, эта крупная птица с длинным серповидным клювом сегодня встречается все реже и стала кандидатом в Красную книгу России. Исследованная территория будущего заповедника, московские орнитологи прикинули, что она является местом гнездования в среднем полутора тысяч пар крошншпелов. Во все Европее не популяция крупнее! И находится она не где-нибудь, а в Новгородской области. Повод для

Вообще, любое болото — резервуар чистойшей пресной воды, питающей большие и малые окрестные реки. В обширных же болотах Рдейского края берут начало Редья, Полисть, Порусья, с которыми связана жизнь многих жителей Новгородчины... Еще в 1973 году Полостово-Ловатская болотная система попала в список международного проекта «Телма» (ЮНЕСКО) как одно из наиболее уникальных болот России, требующее незамедлительной охраны.

Меж тем, уникальному и хрупкому экологическому сообществу светлая начальная перспектива войны на жертвен-

инспекторов, каждый из которых знает и любит лес и чувствует себя на болоте, как дома. Это, впрочем, типично в краю, где охота, рыбалка и сбор клюквы — три кита традиционной личной экономики, помимо сельского хозяйства. Зарплата госинспектора в заповеднике не очень густая — 180 — 230 тысяч, но с работой в Холме, а тем более в районе, ныне не ахти, и поэтому найти кандидатов на эту должность проблемы нет. Принимают, однако, не каждого, что также понятно: на такую специфическую службу люди должны подбираться (и, по-

нашая проблема «Рдейского» пока неразрешимой кажется.

Задание над Ловатью, в котором сейчас находится котнора заповедника и котноре устраивает его сотрудников по всем статьям, заповеднику не принадлежит. И не будет, пока не выплатят за него 190 миллионов. Суммы этой, равной стоимости новейшей шомарки, коих немало на наших улицах, достаточно для того, чтобы полноценно продолжить работу по сохранению и изучению уникального уозка героинейской природы — еще ведь нужна лаборатория для научной работы и она тоже могла бы разместиться в этом доме.